

Ангел Богданович

**«Воскресение», роман Л.
Толстого**

Ангел Иванович Богданович «Воскресение», роман Л. Толстого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815810

Аннотация

«"Воскресение" Л. Толстого, конечно, уже знакомо читателям и намъ не приходится излагать его содержаніе. Въ этомъ великомъ произведеніи, равнаго которому не появлялось за послѣднее десятилѣтіе ни у насъ, ни въ иностранной литературѣ, больше чѣмъ достаточно матеріала для самыхъ разнообразныхъ выводовъ и заключеній. И какъ ни дерзко говорить о немъ въ бѣглой журнальной замѣткѣ, нельзя удержаться, чтобы не высказать хоть отчасти того, что такъ волнуетъ при чтеніи этого произведенія...»
Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ "Воскресеніе", романъ Л. Толстого.

"Воскресеніе" Л. Толстого, конечно, уже знакомо читателямъ и намъ не приходится излагать его содержаніе. Въ этомъ великомъ произведеніи, равнаго которому не появлялось за послѣднее десятилѣтіе ни у насъ, ни въ иностранной литературѣ, больше чѣмъ достаточно матеріала для самыхъ разнообразныхъ выводовъ и заключеній. И какъ ни дерзко говорить о немъ въ бѣглой журнальной замѣткѣ, нельзя удержаться, чтобы не высказать хоть отчасти того, что такъ волнуетъ при чтеніи этого произведенія.

Прежде всего невольное изумленіе охватываетъ читателя при видѣ этой неувядающей силы творчества, какую проявилъ великій писатель, семидесятилѣтіе котораго еще такъ недавно было отпраздновано литературой и въ Россіи, и за границей. Не смотря на очевидную порчу, которой несомнѣнно подвергся романъ въ различныхъ мѣстахъ,— и вся концепція его, и отдѣльныя удивительной красоты мѣста вполне напоминаютъ того Толстого, какимъ мы его знаемъ въ "Войнѣ и Мирѣ" или "Аннѣ Карениной". Та же широта захвата жизни, легкость и естественная простота, съ какими гениальный авторъ переноситъ насъ изъ тюрьмы въ залу суда,

изъ суда въ великосвѣтское общество, изъ деревни въ столицу, изъ пріемной министра въ камеру сибирскаго этапа. При этомъ не чувствуется не малѣйшей дѣланности, какъ будто сама жизнь развертывается предъ нами во всемъ своемъ разнообразіи.

И какъ развертывается! Вы испытываете одновременно и потрясеніе отъ видимаго ужаса и несправедливости человѣческихъ отношеній, и умиленіе и радость за неугасимую жажду правды, которая все время чувствуется въ каждомъ моментѣ этихъ отношеній. Даже въ сценахъ самаго дикаго разгула насилія и неправды слышится неумолчный голосъ недремлющей совѣсти, къ которому чутко прислушивается авторъ и съ потрясающей силой передаетъ читателю. Благодаря этому чувству умиленія при видѣ торжества совѣсти надъ видимымъ господствомъ лжи, дикости, произвола, тягостныхъ и ненужныхъ жестокостей, чѣмъ такъ опутана жизнь человѣчества,— выносишь ощущеніе бодрящей свѣжести и радостнаго настроенія. Это общее впечатлѣніе можно бы сравнить съ тѣмъ, какое производятъ старинныя легенды о мученичествѣ праведниковъ. Какъ въ этихъ легендахъ, такъ и здѣсь, вся власть грубой силы и лжи кажется чѣмъ-то не настоящимъ, безъ корней, чѣмъ-то такимъ, что не прочно, не имѣетъ внутренняго развитія, а лишь временно и преходяще, что отпадетъ, какъ шелуха, когда наступитъ "полнота времени".

Какъ въ прежнихъ романахъ Толстого, читатель сразу вво-

дится въ центръ дѣйствія и интереса повѣствованія, которое развертывается съ поразительной быстротой, захватывая и увлекающая, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше усиливается эта стремительность дѣйствія. Оба центральныхъ лица романа обрисованы на первыхъ же страницахъ во всей сложности ихъ душевной драмы, наряду съ которой затѣмъ также быстро начинается другая, болѣе высокая общественная драма, борьба воскресающаго челоука съ общественной не правдой. Вторая драма непосредственно вытекаетъ изъ первой, являясь первымъ необходимымъ актомъ воскресенія души, до того мертвой, погрязшей въ ложной условности и грязи жизни. И далѣе обѣ драмы идутъ параллельно, дополняя и освѣщая одна другую. Съ искусствомъ, доступнымъ только великому художнику, Толстой не отвлекается ни на одну минуту въ сторону, не теряетъ ни одной лишней строчки. Каждый штрихъ – это новая черта въ характерѣ главныхъ лицъ, въ ихъ душевной и общественной борьбѣ, новое явленіе, необходимое для усиленія правды общей картины нашей общественной жизни. Сжатость описанія доведена до виртуозности, что придаетъ всему роману особую силу, крѣпость и выразительность. Такая простота изложенія, почти лѣтописная, доступна только или великимъ художникамъ, какъ Пушкинъ, напр., или тѣмъ простымъ и сильнымъ душамъ, для которыхъ всегда важенъ лишь самый предметъ разсказа, а все остальное кажется слишкомъ ненужнымъ и лишнимъ, чтобы стоило о немъ распространяться и останавливаться на

немъ. Но эта простота не имѣетъ въ себѣ ничего торопливаго или спѣшнаго; напротивъ, въ ней есть что-то важное и строгое, что удивительно отвѣчаетъ важности содержанія.

А содержаніе это дѣйствительно такъ важно, что въ сравненіи съ нимъ все представляется и ничтожнымъ, и переходящимъ, какъ мимолетныя настроенія будничнаго дня. Воскресеніе Нехлюдова – это вопросъ о возможности воскресенія для каждаго, кто погрязъ въ тинѣ нечистой животны-хъ страстей и мелкихъ будничныхъ интересовъ и потерялъ свободу души. Воскресаетъ въ романѣ не Катюша Маслова, которую погубилъ Нехлюдовъ, а онъ самъ. Катюша чиста, ея душа не тронута и свѣжа, она только усыплена ужасами жизни, которую съ легкой руки Нехлюдова ей пришлось вести. Катюша не воскресаетъ, а просыпается, какъ только услышала благоую вѣсть, что есть человѣкъ, который видитъ къ ней не просто предметъ для удовольствія, а человѣка такого же, какъ онъ самъ. Ей не съ чѣмъ бороться. Послѣ перваго момента оживленія старой острой боли, которая ей напомнила все ужасное, когда-то пережитое благодаря Нехлюдову, Катюша покорно отдается новому настроенію, которое и есть ея настоящее подлинное настроеніе, всецѣло отвѣчающее ея складу души. Съ того ужаснаго момента, какой она пережила, когда бѣжала за поѣздомъ, уносившимъ Нехлюдова, она не жила, не была человѣкомъ, а превратилась въ предметъ купли и продажи, и когда по временамъ что-то просыпалось въ душѣ, обострялась боль смутнаго сознанія причи-

ненной ей несправедливости. Катюша сейчас же старалась подавить ее обычнымъ въ ея положеніи средствомъ: "станеть скучно — покурила или выпила, и пройдетъ". Катюша — жертва, и все время ея роль пассивная. Только въ послѣднемъ моментѣ ея окончательнаго пробужденія, когда она, любя Нехлюдова, жертвуетъ этимъ чувствомъ для болѣе высокаго дѣла служенія страждущимъ и обремененнымъ, Катюша становится активнымъ существомъ. И все время въ романѣ не столько сама Катюша интересна, сколько окружающая ее обстановка, которая заслоняетъ ее постоянно. Сначала судъ, тюрьма, потомъ этапная жизнь, кружокъ политическихъ ссыльныхъ настолько привлекаютъ вниманіе, что даже подчасъ забываешь о ней, хотя она и должна бы быть центральнымъ лицомъ. Но ея пассивность, какъ жертвы, мѣшаетъ этому. И мѣсто, отведенное ей художникомъ въ романѣ, въ сущности незначительное. Только въ первыхъ главахъ она выступаетъ съ яркостью и полнотой художественнаго изображенія какія по силамъ одному Толстому. Удивительно чарующее впечатлѣніе производятъ эти главы, гдѣ описывается первое время сближенія ея съ Нехлюдовымъ, сцена въ церкви во время заутрени, да еще то мѣсто, когда она бѣжитъ за поѣздомъ. Послѣдняя сцена, пожалуй самое сильное въ художественномъ отношеніи мѣсто романа. Эти главы прекрасны и не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ прежнихъ романовъ Толстого.

Тѣмъ не менѣе, главный интересъ сосредоточень на

Нехлюдовъ, который и является центральнымъ лицомъ романа. Его душевная борьба и борьба, которую онъ ведетъ съ общественными условіями, сосредоточиваютъ все вниманіе автора и читателей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ дѣйственная роль принадлежитъ Нехлюдову съ начала и до конца. Онъ – преступникъ, сначала только мучающійся сознаниемъ совершеннаго проступка, потомъ всѣ силы кладущій на то, чтобы исправить причиненное зло и возстановить хотя отчасти нарушенную справедливость. Въ то же время онъ долженъ являться выразителемъ взглядовъ самого автора, что усложняетъ его личность въ романѣ и придаетъ ему двойной интересъ.

Что такое Нехлюдовъ? Прежде всего, какъ намъ кажется, онъ, по замыслу автора, человекъ вполне простой, отнюдь не выше средняго уровня. Конечно, въ своей средѣ, гдѣ онъ росъ, воспитывался и дѣйствовалъ, онъ, несомнѣнно, выше этого уровня, настолько выше, что его тамъ и не понимаютъ вовсе. Благодаря его знатности, богатству, родовитымъ связямъ, его уважаютъ, но подсмѣиваются, какъ надъ чудакомъ, который самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Этой средѣ онъ чуждъ всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, его увлеченія, сомнѣнія, раскаяніе – все непонятно и смѣшно въ глазахъ его окружающихъ, даже преступно и не должно быть терпимо, какъ увѣренно заявляетъ мужъ его сестры, готовый требовать надъ нимъ опеки, какъ надъ расточителемъ и ненормальнымъ субъектомъ. Но вся эта среда та-

къ чудовищно низменна, такъ плоска и ничтожна внутри, что внѣ ея Нехлюдовъ – только средній человѣкъ, не выдающійся ни особыми способностями, ни особой силой воли, ни темпераментомъ. Какъ большинство людей интеллигентнаго круга, онъ получилъ рядъ взглядовъ, признаваемыхъ имъ правильными, но лишь въ отвлеченномъ смыслѣ имѣющими для него значеніе. Его убѣжденія – одно, а жизнь и практика – другое, и нужно что-либо страшно выдающееся, чтобы заставить его проникнуться сознаниемъ этого противорѣчія и увидѣть, какъ онъ опустился отъ того идеала, который нѣкогда лелѣялъ въ душѣ. Развѣ это не обычная исторія массы среднихъ людей? Вначалѣ "честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло", потомъ – "развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе". "Тогда міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадать; теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ людьми жившими, мыслившими и чувствовавшими до него (философами, поэтами); теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ, – именно этою таинственностью прелестнымъ существомъ; теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщи-

на была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда не нужно было денегъ и можно было не брать и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться отъ имѣнья отца и отдать его крестьянамъ; теперь же не доставало тѣхъ 1,500 р. въ мѣсяць, которые давала мать, и съ ней бывали уже непріятные разговоры изъ за денегъ. Тогда своимъ настоящимъ я онъ считалъ свое духовное существо: теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное я", — такъ характеризуетъ Толстой прежняго и теперешняго Нехлюдова, и развѣ эта характеристика не приложима цѣликомъ къ любому изъ массы среднихъ людей?

Авторъ по своему объясняетъ эту рѣзкую перемѣну, какую каждый можетъ найти въ себѣ, сравнивъ себя въ юности съ тѣмъ, какимъ онъ становится потомъ. Но перемѣна вѣрно указана, и исторія Нехлюдова э о обычная исторія огромнаго большинства, что и дѣлаетъ его типичнымъ представителемъ середины. Немногимъ, правда, приходится пережить такую душевную катастрофу, какъ Нехлюдову, и большинство опускается постепенно, даже не замѣчая паденія.

Съ Нехлюдовымъ случилось не такъ, и не потому, чтобы онъ обладалъ особой чувствительностью, но и его проступокъ самъ по себѣ былъ выдающийся и возмездіе, обрушившееся на его голову, было таковымъ же. Нехлюдовъ не просто соблазнилъ дѣвушку, первую попавшуюся подъ руку, что такъ часто случалось и случается въ обыденной жизни. И такой поступокъ былъ бы подлостью, для которой нѣтъ и

не можетъ быть снисхожденія. Но обстоятельства, которыми сопровождался его поступокъ, дѣлають его поистинѣ чудовищнымъ. Для него эта дѣвушка была раньше дорогимъ, любимымъ существомъ, одно присутствіе котораго освѣщало жизнь. "Какъ только Катюша входила въ комнату или даже издалека Нехлюдовъ видѣлъ ея бѣлый фартукъ, такъ все для него какъ бы освѣщалось солнцемъ, все становилось интереснѣе, веселѣе, значительнѣе, жизнь становилась радостной... Но не только присутствіе и близость Катюши производили это дѣйствіе на Нехлюдова; это дѣйствіе производило на него одно сознаніе, что есть Катюша... Получалъ ли Нехлюдовъ непріятное письмо отъ матери, или не ладилось его сочиненіе, или онъ чувствовалъ юношескую безпричинную грусть, стоило ему только вспомнить о томъ, что есть Катюша и онъ увидить ее, и все это разсѣивалось". И потомъ, когда онъ снова пріѣзжаетъ вторично къ теткѣ въ деревню, гдѣ жила Катюша, его влечетъ къ ней любовь. Какъ и прежде, хотя самъ онъ уже измѣнился и изъ чистаго юноши превратился въ зауряднаго офицера, его охватываетъ то же чувство при видѣ ея. "Такъ же, какъ и прежде, онъ не могъ безъ волненія видѣть теперь бѣлый фартукъ Катюши, не могъ безъ радости слышать ея походку, ея голосъ, ея смѣхъ, не могъ безъ умиленія смотрѣть въ ея черныя, какъ мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не могъ главное, безъ смущенія видѣть, когда она краснѣла при встрѣчѣ съ нимъ". Съ особой чарующей силой и радостью онъ ис-

пытываетъ это чувство любви во время заутрени, когда онъ съ изумленіемъ думаетъ, какъ это другіе не замѣчаютъ, "что все, что существуетъ здѣсь да и вездѣ на свѣтѣ – существуетъ только для Катюши, и что пренебречь можно всѣмъ на свѣтѣ, только не ею, потому что она – центръ всего. Для нея блистало золото иконостаса и горѣли всѣ эти свѣчи на паникадилѣ и въ подсвѣчникахъ, для нея были эти радостные напѣвы: "Пасха Господня, радуйтесь людіе". И все, что только было хорошаго на свѣтѣ, было для нея". Словомъ, Нехлюдовъ любилъ ее всѣмъ пыломъ хорошаго, молодого чувства, и тѣмъ ужаснѣе, безобразнѣе былъ его поступокъ, которымъ завершилась эта любовь, когда на другой день, прощаясь съ соблазненной имъ дѣвушкой, онъ далъ ей сто рублей, думая, этимъ не то что искупить, а хотя отчасти возмѣстить обиду. "Нѣтъ, возьми, пробормоталъ онъ (когда Катюша отбивается отъ его денегъ), и сунулъ ей конвертъ за пазуху и, точно какъ будто онъ обжегся, онъ, морщась и стоная, побѣжалъ въ свою комнату. И долго послѣ этого онъ все ходилъ по своей комнатѣ, и корчился, и даже прыгалъ, и вслухъ охалъ словно отъ физической боли, какъ только вспоминалъ эту сцену". Поступивъ какъ самый послѣдній негодяй, Нехлюдовъ не понималъ, не могъ даже представить себѣ всей глубины жестокости и обиды своего дѣла. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что всѣ его знакомые такъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и это до извѣстной степени его успокаивало. А праздная, барская жизнь, "новыя мѣста, товарищи, война", помогла ему и

окончательно забыть весь этот эпизодъ.

И не встрѣтъ онъ случайно ту же Катюшу десять лѣтъ спустя на скамьѣ подсудимыхъ, Нехлюдовъ такъ и не вспомнилъ бы загубленную имъ дѣвушку. Вся жизнь его за это время сложилась такъ, какъ бываетъ въ его средѣ, обезпеченной, незнающей никакой цѣли, кромѣ наслажденій. Въ своихъ глазахъ и въ мнѣннн окружающихъ онъ считался вполне порядочнымъ, "корректнымъ" господиномъ, и даже, самъ не отдавая себѣ отчета, питаль въ душѣ особыя требованія на особую къ нему почтительность и уваженіе. Онъ унаслѣдовалъ послѣ матери огромное состояніе, намѣревается обзавестись семьей, имѣеть любовницу "изъ вполне порядочнаго дома", и лишь смущается неудобствомъ ухаживать за дѣвушкой, на которой онъ хочетъ жениться, и въ то же время находится въ связи съ замужной женщиной.

Чтобы встряхнуть такую легко и удобно примѣняющуюся къ текущей обычной жизни натуру, надо что-либо ужасное, страшное, подавляющее. Но и послѣ встрѣчи, когда онъ видитъ уже послѣдствія своего поступка, онъ не сразу мѣняется, и здѣсь Толстой проявилъ удивительное пониманіе такихъ слабыхъ натуръ. Еще въ судѣ, когда Нехлюдовъ ясно видитъ, что Катюша невинна, онъ могъ-бы энергичнымъ вмѣшательствомъ при обсужденіи присяжными ея вины, измѣнить ихъ приговоръ. Но все время онъ молчитъ, погрузившись въ свои терзанія, и допускаеть грубую неправильность въ окончательномъ рѣшеніи присяжныхъ,— неправиль-

ность, благодаря которой невинная женщина должна идти на каторгу. Въ томъ "безуміи эгоизма", въ которомъ Нехлюдовъ жилъ всѣ десять лѣтъ, иначе и быть не могло. Сначала у него является дрянной страхъ, что Катюша его узнала и сейчасъ при всѣхъ осрамить его. Потомъ – терзанія воспоминаніемъ о своемъ поступкѣ и даже затаенная жалость къ себѣ, и только уже затѣмъ просыпается другое чувство, заставляющее Нехлюдова забыть на время себя и подумать о ней, предъ которой онъ провинился вторично, не отстоявъ ее интереса на судѣ, что было такъ просто и легко. Всѣ эти колебанія, попытка какъ-нибудь вывернуться изъ труднаго положенія и, наконецъ, отчаянное рѣшеніе жениться на обиженной имъ дважды Катюшѣ, обрисованное съ тонкостью и мастерствомъ великаго психолога-художника, дѣлають изъ Нехлюдова вполнѣ живое лицо. Такъ легко было-бы впасть въ мелодраматизмъ и фальшь, только немного усиливъ героизмъ положенія, въ которомъ очутился Нехлюдовъ. Ничего подобнаго, однако, мы не видимъ, и все время предъ нами не герой, а жалкій и слабый челоѣкъ, выбитый изъ такъ хорошо, казалось, налаженной колеи жизни. Даже рѣшеніе жениться на Катюшѣ и начать новую жизнь не возвышаютъ его, ибо Толстой, отмѣтивъ облегченіе, какое при этомъ почувствовалъ Нехлюдовъ, немедленно ловить его: "На глазахъ его были слезы, когда онъ говорилъ себѣ это, и хорошія, и дурныя слезы, хорошія потому, что это были слезы радости, пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ

эти годы спало въ немъ, и дурныя потому, что они были слезы умиленія надъ самимъ собой, надъ своей добродѣтелью".

Отсюда еще далеко до воскресенія, до полного пониманія и себя, и своего поступка, и до того душевнаго подъема, когда человѣкъ сознательно дѣлаетъ добро не ради себя, а ради самого добра и въ этомъ испытываетъ великую радость. Нехлюдовъ долженъ пройти рядъ испытаній, которыя постепенно раскрываютъ ему глаза и очищаютъ его засоренную эгоизмомъ душу. Какъ всѣ слабые, не энергичные люди, Нехлюдовъ не въ силахъ управлять своей жизнью, скорѣе событія его влекутъ и направляютъ. Въ новомъ его настроеніи онъ не противится, когда эти событія его влекутъ въ хорошую сторону, какъ раньше не противился, когда жизнь, окружающіе, товарищи, мать – влекли его въ дурную.

И та же Катюша первая вскрываетъ ему истину его героическаго рѣшенія жениться на ней. При второмъ свиданіи въ тюрьмѣ происходитъ объясненіе, поразительное по силѣ и правдѣ. Даже у самого Толстого трудно указать такую потрясающую сцену, какъ это свиданіе. Когда Нехлюдовъ говоритъ, что пришелъ просить у нея прощенія, Катюша, предъ тѣмъ нѣсколько выпившая, смущается.

"- Ну что, все простить, простить, ни къ чему это... вы лучше..."

"- Я хочу загладить свою вину, – продолжалъ Нехлюдовъ: – и загладить не словами, а дѣломъ. Я рѣшилъ жениться на васъ."

"Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись, смотрѣли и не смотрѣли на него.

"– Это еще зачѣмъ понадобилось? – проговорила она, злобно хмурясь.

"– Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

"– Какого еще Бога тамъ нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога,– сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

"Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

"– Успокойтесь,– сказалъ онъ.

"– Нечего мнѣ успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню, что говорю,– вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла:– я каторжная, а вы баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ княжнамъ...

"– Какъ бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую,– весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ:– не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!..

"– Чувствую вину"! – злобно передразнила она. – Тогда не чувствовалъ, а сунуль 100 рублей. Вотъ – твоя цѣна!..

"– Знаю, знаю, но что же теперь дѣлать? – сказалъ Нехлюдовъ. – Теперь я рѣшилъ, что не оставлю тебя,– повторилъ онъ:– и что сказалъ, то сдѣлаю.

"– А я говорю, не сдѣлаете! – проговорила она и громко

засмѣялась.

"– Катюша! – началъ онъ.

"– Уйди отъ меня! Я – каторжная, а ты – князь и нечего тебѣ тутъ быть, – вскрикнула она, вся преображенная гнѣвомъ, вырывая у него руку. – Ты мной хочешь спастись, – продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось въ ея душѣ. – Ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противень ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! – закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги.

"Надзиратель подошелъ къ нимъ.

"– Ты что скандалишь! Развѣ такъ можно...

"– Оставьте, пожалуйста, – сказалъ Нехлюдовъ.

"– Чтобъ не забывалась, – сказалъ надзиратель.

"– Нѣтъ, подождите, пожалуйста, – сказалъ Нехлюдовъ.

"Надзиратель отошелъ къ окну.

"Маслова опять сѣла, опутивъ глаза и крѣпко сжавъ свои скрещенныя пальцами маленькія руки. Нехлюдовъ стоялъ надъ ней, не зная, что дѣлать.

"– Ты не вѣришь мнѣ, – сказалъ онъ.

"– Что вы жениться хотите – не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

"– Я все-таки буду служить тебѣ.

"– Ну, это ваше дѣло. Только мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю, – сказала она. – И зачѣмъ я не умерла тогда, – прибавила она, и заплакала жалостнымъ то-

номъ".

Это ужасное объясненіе, при которомъ Нехлюдовъ играетъ такую жалкую роль, открываетъ ему глаза, и съ этого момента начинается для него настоящая казнь и вмѣстѣ съ тѣмъ воскресеніе. "Да, такъ вотъ оно что! вотъ что! думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога и только теперь вполнѣ понимая всю вину свою. Если бы онъ не попытался загладить, искупить свой проступокъ, онъ никогда бы не почувствовалъ всей преступности его, мало того, и она бы не чувствовала всего зла, сдѣланнаго ей. Только теперь это все вышло наружу во всемъ своемъ ужасѣ. Онъ увидѣлъ теперь только, что онъ сдѣлалъ съ душой этой женщины, и она увидала и поняла, что было сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ, любовался самимъ собой и своимъ раскаяніемъ, теперь ему просто было страшно. Бросить ее,— онъ чувствовалъ это теперь,— онъ не могъ, а между тѣмъ не могъ себѣ представить, что выйдетъ изъ его отношеній къ ней".

И первое, въ чемъ начинается проявляться новый чело-вѣкъ, пробуждающійся въ Нехлюдовѣ, это вниманіе и сочувствіе къ чужимъ страданіямъ. Въ романѣ идутъ рядомъ двѣ работы, совершаемыя Нехлюдовымъ: работа надъ собой, надъ своимъ воскресеніемъ, и безкорыстная чистая работа для другихъ. Этотъ параллелизмъ, превосходно проведенный до мельчайшихъ деталей, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ окончательное торжество новаго чело-вѣка, исполненнаго готовности на любое самопожертвованіе, надъ прежнимъ эгои-

стическимъ животнымъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ подавляло всякое проявленіе духовнаго существа Нехлюдова. Такая побѣда не дается сразу и даромъ, какъ казалось вначалѣ Нехлюдову послѣ его скоропалительнаго рѣшенія: "женюсь на ней, если надо". Онъ увидѣлъ, что отъ Катюши это зависитъ гораздо больше, чѣмъ отъ него, а кромѣ того, въ самомъ этомъ рѣшеніи было больше фарисейскаго самолюбія, чѣмъ искренняго горячаго чувства.

Трудно совлекается старый человекъ со всѣмъ его комплексомъ привычекъ, взглядовъ, отношеній къ другимъ людямъ, съ которыми онъ сжился и связанъ тысячами неуловимыхъ, но весьма прочныхъ нитей. Вся вторая часть романа посвящена описанію той внутренней и внѣшней борьбы, которую ему приходится вести съ той минуты, когда свое рѣшеніе посвятить себя Катюшѣ и страждущимъ онъ начинаетъ приводить въ исполненіе. Эта часть далеко уступаетъ первой по художественности. Въ ней больше отведено мѣста размышленіямъ и наблюденіямъ, устами Нехлюдова то и дѣло говоритъ самъ Толстой, что такъ любить авторъ вообще. Въ деревнѣ Нехлюдовъ пытается растолковать мужикамъ теорію Генри Джоржа о націонализаціи земли, — теорію, которой Толстой, видимо, придаетъ вполне серьезное значеніе. Въ столицѣ авторъ водить Нехлюдова по разнымъ пріемнымъ высокопоставленныхъ лицъ, и здѣсь его мѣткія характеристики и опредѣленія разныхъ учреждений болѣе интересны и важны, чѣмъ увлеченіе Генри Джоржемъ. Здѣсь

для него открывается широкое поле для уничтожающей критики, съ которою Толстой относится къ обществу. Сцена въ сенатѣ, разборъ кассационной жалобы, поданной Нехлюдовымъ отъ имени Масловой, превосходна. Лучше всего, однако, удивительныя характеристики сановныхъ лицъ, по истинѣ подлинныя историческіе портреты, напоминающіе его же характеристики съ "Войнѣ и мирѣ". Въ нихъ сконцентрировано все бездушье и формализмъ высшей бюрократіи, далекой отъ всего живого, неспособной понять даже, когда это живое стонетъ и корчится въ мукахъ отъ тѣхъ экспериментовъ, какіе продѣлываетъ надъ нимъ формализмъ. Припомнимъ, напр., стараго генерала спирита, съ бѣлымъ крестомъ въ петличкѣ, къ которому Нехлюдовъ обращается съ просьбой о смягченіи участи одного заключеннаго. "Онъ строго исполнялъ предписанія высшаго начальства и особенно дорожилъ этимъ исполненіемъ. Приписывая этимъ предписаніямъ особенное значеніе, онъ считалъ, что все на свѣтѣ можно измѣнить, но только не эти предписанія". Въ изображеніи этого живого мертвеца есть что-то почти мистическое, апокалипсическое, и васъ невольно охватываетъ то же чувство безнадежности, какъ и Нехлюдова. Не менѣе хороши и типы сенаторовъ, обсуждающихъ кассационную жалобу, но вполне и ярче другихъ изображеніе дяди Нехлюдова, бывшаго министра, "главныя качества котораго состояли въ томъ, во-первыхъ, что онъ умѣлъ понимать смыслъ написанныхъ бумагъ и законовъ и хотя и нескладно, но умѣлъ составлять

удобопонятныя бумаги и писать ихъ безъ ореографическихкихъ ошибокъ; во-вторыхъ, въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно представителенъ, и, гдѣ нужно было, могъ являть видъ не только гордости, но неприступности и величія, а гдѣ нужно было, могъ быть подобострастенъ; въ-третьихъ, въ томъ, что у него не было никакихъ общихъ принциповъ или правилъ, ни нравственныхъ, ни государственныхъ, и что онъ поэтому со всѣми могъ быть согласенъ, когда это нужно было, и когда это нужно было, могъ быть со всѣми не согласенъ. Поступая такъ, онъ старался только о томъ, чтобы былъ выдержанъ тонъ и не было явнаго противорѣчія самому себѣ; къ тому же, нравственны или безнравственны его поступки сами по себѣ, и произойдетъ ли отъ нихъ величайшее благо или величайшій вредъ для Россійской имперіи или для всего міра,— онъ былъ совершенно равнодушенъ. Когда онъ сдѣлался министромъ, не только всѣ зависѣвшіе отъ него, а зависѣло отъ него очень много людей и приближенныхъ, но и всѣ посторонніе люди, и онъ самъ были увѣрены, что онъ очень умный государственный человѣкъ. Но когда прошло извѣстное время, и онъ ничего не устроилъ, ничего не показалъ и когда, по закону борьбы за существованіе, точно такіе же, какъ и онъ, научившіеся писать и понимать бумаги, представительные и безпринципные чиновники вытѣснили его, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку, то всѣмъ стало ясно, что онъ былъ не только не особенно умный человѣкъ, но очень ограниченный и мало образованный, хотя и очень

самоувѣренный челоуѣкъ, который едва-едва поднимался въ своихъ взглядахъ до уровня передовыхъ статей консервативныхъ газетъ. Оказалось, что въ немъ ничего не было отличающаго его отъ другихъ мало образованныхъ и самоувѣренныхъ чиновниковъ, которые его вытѣснили, и онъ самъ это понималъ, но это нисколько не поколебало его убѣжденія въ томъ, что онъ долженъ каждый годъ получать большое количество казенныхъ денегъ и новые ордена".

Единственное, до извѣстной степени челоуѣческое лицо, съ которымъ сталкивается Нехлюдовъ, это его бывшій товарищъ Селенинъ, по крайней мѣрѣ, въ немъ еще живо чувство не внѣшней, а внутренней порядочности. Но и онъ уже почти совсѣмъ отравленъ мертвечиной бюрократіи, и для него важнѣе форма, а не сущность. Онъ стоитъ за отказъ въ пересмотрѣ дѣла Катюши только потому, что не соблюдена формальность – "надо было записать въ протоколъ". Этого не сдѣлано, и пусть гибнетъ челоуѣкъ. Встрѣча съ Селенинымъ является послѣднимъ толчкомъ, окончательно заставляющимъ Нехлюдова махнуть рукой на этотъ мертвый кругъ, гдѣ онъ нѣкогда вращался. Примѣръ Селенина, когда-то такого правдиваго, вѣрнаго, честнаго и чистаго, котораго этотъ кругъ все-таки превратилъ въ мумію, – убѣждаетъ его, что для живой души, для хорошей, умной и честной работы на пользу людей здѣсь нѣтъ мѣста. И служба, и семьи здѣсь все "не то", одна ложь и взаимный обманъ. Въ то же время есть что-то подкупающее и заманчивое въ тѣхъ

мягкихъ, культурно-утонченныхъ формахъ, въ которыя от-
лились здѣсь ложь и обманъ. Нехлюдовъ это испытываетъ
на себѣ въ мимолетномъ флиртѣ, завязывающемся у него
съ женой того больного чиновника. отъ котораго зависитъ
судьба политическихъ. У него возникаетъ мучительное со-
мнѣніе. "Хорошо ли я сдѣлаю, уѣхавъ въ Сибирь? И хорошо
ли сдѣлаю, лишивъ себя богатства?" Но разъ понявъ ложь
всего этого круга, онъ уже не можетъ вернуться туда, его го-
нитъ чувство гадливости, какое онъ испытываетъ отъ обща-
го лганія, взаимнаго лицемѣрія и чудовищной наглости ца-
рящаго здѣсь животнаго эгоизма. И прежде приходилось ему
испытывать такое же ощущеніе гадливости, въ тѣ минуты,
когда онъ производилъ, по его выраженію, "чистку души", но
раньше дальше "чистки" дѣло не шло. Очищенную душу онъ
снова и не медля засорялъ тѣмъ же хламомъ. Теперь въ его
душѣ была забота, много заботъ о другихъ, о самыхъ важны-
хъ для нихъ дѣлахъ, и эта забота не позволила ему удалиться
съ избранной дороги.

Изъ Петербурга Нехлюдовъ возвращается наполовину
возрожденнымъ и вполнѣ воскресаетъ къ новой жизни,
пройдя тягостный путь отъ Москвы до Иркутска по ужас-
нымъ этапамъ вмѣстѣ съ партіей, въ которой идетъ Масло-
ва. Третья часть, самая краткая, видимо много-много сокра-
щенная, едва ли не самая интересная, хотя и не такъ силь-
но написана, какъ первая. Въ литературѣ послѣдняго време-
ни впервые выступаютъ здѣсь политическіе ссыльные, съ ко-

торыми удается Нехлюдову помѣстить Маслову и тѣмъ убересть ее отъ ужасовъ уголовной среды. Огромный талантъ, его несравненная психологическая проницательность помогли Толстому справиться съ этой новой задачей. Онъ обрисовалъ рядъ типовъ политическихъ ссыльныхъ, избѣжавъ двухъ крайностей – не возводя на пьедесталь и не принизивъ ихъ. Они вышли у него такими же живыми людьми, какъ и остальные, кого только онъ коснулся своимъ магическимъ творческимъ перомъ. Онъ сумѣлъ подмѣтить въ нихъ и то, что сближаетъ ихъ съ обыкновенными людьми, и то, что выдѣляетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Художественная перспектива соблюдена съ поразительной вѣрностью, и въ свою огромную галерею типовъ Толстой ввель рядъ новыхъ. Послѣдующей литературѣ остается только ихъ дополнять и развивать, – тонъ данъ вѣрный и путь указанъ настоящій.

Нехлюдовъ, видя ихъ благотворное вліяніе на Маслову, сближается съ ними дорогой и, узнавъ ихъ ближе, убѣждается, "что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ многіе, и не были сплошные герои, какими нѣкоторые изъ нихъ считали людей своей партіи, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе и дурные, и средніе люди. Были между ними и такіе, которые руководствовались эгоистическими, тщеславными мотивами; большинство же было привлечено знакомымъ Нехлюдову, по военному времени, желаніемъ опасности, риска, наслажденіемъ игры своей жизнью, чувствами, свойственны-

ми самой обыкновенной энергической молодежи... Это были такіе же люди, какъ и всѣ, но съ тою разницею, что тѣ изъ нихъ, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его, представляя изъ себя часто людей несправедливыхъ, притворяющихся и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренныхъ и гордыхъ".

Въ описаніи Толстого, однако, большинство, если не всѣ, несомнѣнно выше того средняго уровня, которымъ ихъ мѣряетъ авторъ. Только одинъ, нѣкто Новодворовъ, производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе, и Нехлюдовъ, "не смотря на то благодушное настроеніе, въ которомъ онъ находился во время путешествія", не любитъ его и даже презираетъ въ душѣ. Всѣ портреты набросаны бѣгло, за исключеніемъ двухъ — дѣвушки Марьи Павловны и Симонсона, къ которымъ Толстой постоянно возвращается, рисуя ихъ съ необычайной теплотой и любовью. Первая является у него олицетвореніемъ истинной дѣйственной доброты и дѣятельной любви къ людямъ, идеаломъ настоящаго человѣка. Одинъ изъ ея товарищей, тотъ самый Новодворовъ, столь несимпатичный автору, шутя, говоритъ про нее, что она предается спорту благотворенія. И это была правда. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знавшіе ее, уже не цѣнили, а требо-

вали этого". Другой, Симонсонъ, выступаетъ олицетвореніемъ самостоятельной мысли, всецѣло стремящейся къ правдѣ жизни. Онъ никогда не подчиняется чужому мнѣнію, а только голосу собственнаго разума, и что признаетъ правильнымъ, тому слѣдуетъ неуклонно. Съ людьми онъ былъ кротокъ и скромень, но "когда онъ рѣшилъ что-нибудь, ничто уже не могло остановить его".

Эти два человѣка оказали рѣшительное вліяніе на судьбу Масловой. Марья Павловна своей любовью къ ней, какъ къ несчастной, нуждающейся въ помощи. Симонсонъ тѣмъ, что горячо и безповоротно полюбилъ ее. "Маслова женскимъ чутьемъ очень скоро догадалась объ этомъ, и сознание того, что она могла возбудить любовь въ такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, подняло ее въ ея собственномъ мнѣніи. Нехлюдовъ предлагалъ ей бракъ по великодушію и по тому, что было прежде, но Симонсовъ любилъ ее такую, какою она была теперь, и любилъ прямо за то, что любилъ". Судьба Катюши рѣшилась такимъ образомъ, и Толстой сумѣлъ сдѣлать это рѣшеніе вполне жизненнымъ и простымъ. Окончательное преображеніе Катюши въ обществѣ хорошихъ людей подъ вліяніемъ двухъ равно сильныхъ чувствъ вполне естественно. Не испорченная, по существу здоровая и хорошая натура дѣвушки очнулась изъ подъ наслоенія житейскаго хлама и проявила себя такую, какою она была до роковой для нея встрѣчи съ Нехлюдовымъ. Катюша нѣсколько колеблется между Нехлюдовымъ и Симонсономъ. Перваго она са-

ма любить, старое чувство къ нему не могло не проснуться при видѣ его раскаянія и тѣхъ усилій, какія онъ дѣлалъ для облегченія ея жизни. Второй любить ее, и она принимаетъ его предложеніе. Съ тѣмъ же женскимъ инстинктомъ она поняла, что въ Нехлюдовѣ говоритъ только великодушіе, а не любовь къ ней, и что жизнь съ нимъ въ Сибири превратилась бы для обоихъ въ своего рода каторгу. Ее подавляла бы ежедневно мысль о его великодушій, его – сознание необходимости выполнить долгъ до конца. Тогда какъ Симонсонъ предлагалъ ей чистое и горячее чувство, жизнь на правахъ равной съ равнымъ, общее дѣло и общіе интересы. Въ этомъ рѣшеніи ея сказывается полная побѣда прежней Катюши, только возвышенной и очищенной страданіемъ, надъ грѣшной Катюшей, какою встрѣтилъ ее Нехлюдовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Она вторично приноситъ ему себя въ жертву, сознательно отказываясь отъ любимаго человѣка, чтобы не испортить ему жизни.

Катюша, дѣйствительно, воскресла. Какъ бы ни сложилась ея дальнѣйшая жизнь, будетъ она счастлива съ новымъ мужемъ или нѣтъ – это уже не важно. Одно несмѣнно – это будетъ жизнь хорошихъ людей, тружениковъ, честно несущихъ крестъ свой и въ мѣру силъ помогающихъ другимъ нести его. Иное дѣло Нехлюдовъ. Онъ тоже преобразился, и для него нѣтъ возврата къ прежней, сытой и праздной, жизни тунеядца, жизни гриба-паразита, высасывающаго соки изъ благороднаго дерева. Онъ понялъ это при послѣднемъ свиданіи съ

Катюшей. Одинъ моментъ на него напала слабость, когда онъ видѣлъ счастливую семейную чету въ губернаторскомъ домѣ, "и ему стало завидно и захотѣлось себѣ такого же изящнаго, чистаго какъ ему казалось, счастья". Но то, что онъ снова увидѣлъ въ тюрьмѣ, пробудило его. То, что было въ домѣ генерала, то былъ сонъ, а это, все то, что онъ видѣлъ теперь, и вся та дѣятельность, которую вызывало и которой требовало отъ него все то, что онъ видѣлъ, была настоящая жизнь, настоящая дѣйствительность". Только усыпленные и ослѣпленные "изящнымъ и чистымъ" личнымъ счастьемъ могутъ чувствовать себя далекими отъ ужаса этой настоящей жизни. Кто разъ пробудился и понялъ эту дѣйствительную жизнь, лишенную всякихъ прикрасъ изящества и чистоты, тотъ не можетъ искать для себя такого личнаго счастья. Для него — иной путь, иное счастье.

Этотъ путь Толстой указываетъ словами евангелія, въ притчѣ о виноградаряхъ. "Въ этомъ все" — думалъ Нехлюдовъ. — "Я жилъ и всѣ мы живемъ въ нелѣпой увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденія. А, вѣдь, это, очевидно, нелѣпо. Вѣдь, если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы, какъ грибы: родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на земли установится царство Божіе и люди полу-

чать наибольшее благо, которое доступно имъ".

Романъ на этомъ оканчивается, а новая жизнь для Нехлюдова этимъ должна начаться. Толстой не даетъ никакихъ указанія, въ какой формѣ проявится новая жизнь Нехлюдова. Мы можемъ, конечно, предположить, что онъ станетъ продолжать ту работу для другихъ, которую дѣлалъ для Катюши и всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею. Но этого, однако, мало, хотя и страшно много само по себѣ. Вопросъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ онъ представляется Нехлюдову. Недаромъ же люди почти двѣ тысячи лѣтъ слышатъ ученіе Христа и все еще не могутъ устроить своей жизни согласно этому ученію. Значить, есть что-то, что сильнѣе ихъ, что мѣшаетъ имъ, и ссылка на это ученіе, какъ на разрѣшеніе всего, еще не даетъ отвѣта на вопросъ, поставленный Нехлюдовымъ, что дѣлать? Какъ устроить жизнь, чтобы не было ни "ослѣпленныхъ", ни "сумасшедшихъ", ни "озвѣрѣвшихъ" людей? Громадная, неоцѣненная заслуга автора въ томъ и заключается, что онъ съ страшной силой возбуждаетъ въ читателѣ этотъ вопросъ. Его романъ сильнѣе его проповѣди, какъ, вообще, жизнь сильнѣе самыхъ умныхъ и строго логическихъ разсужденій. А "Воскресеніе" – это сама жизнь, это – печальная и ужасная правда. Исторія Катюши – это исторія тысячи-тысячъ Катюшъ, гибнущихъ на зарѣ жизни и не воскресающихъ никогда. Исторія Нехлюдова – тоже обычная исторія постепеннаго паденія огромной массы когда-то хорошихъ и чистыхъ юношей, превращающихся въ сытыхъ са-

модовольныхъ животныхъ, въ "безуміи эгоизма" не замѣчающихъ этого паденія. А вся обстановка, при которой разыгрывается драма этихъ двухъ людей, жизнь въ тюрьмѣ, судъ, этапъ, высшая бюрократія – развѣ это не сама дѣйствительность, та "настоящая жизнь", къ которой мы такъ привыкли, что уже и не замѣчаемъ всѣхъ ея ужасовъ? И нуженъ такой огромный талантъ, какъ Толстого, чтобы заставить насъ очнуться и задуматься надъ него.

Этого результата Толстой несомнѣнно достигъ. Ни одно крупное художественное произведеніе не было до сихъ поръ такъ распространено, какъ "Воскресеніе", такъ читаемо и обсуждаемо. Оно проникло въ самые далекіе уголки, куда рѣдко проникаетъ книга, и тамъ возбудило еще большее вниманіе, чѣмъ на поверхности жизни. Огромное значеніе этого факта скажется въ той или иной формѣ въ свое время. Теперь же можно сказать, что результатъ будетъ самый благотворный, ибо мысли и чувства, возбуждаемыя романомъ, очищаютъ душу и воскресятъ не одного Нехлюдова, спасутъ не одну Катюшу.

Февраль 1900 г.